

# ВСТРЕЧА С ГРУШЕНЬКОЙ

ТРУДНО ставить и играть Достоевского. Тем более когда театр состоит из одного актера, точнее, актрисы-чтеца. Режиссеру Евгении Гардт и актрисе Марине Лободе эта сложная задача оказалась по силам. Их литературная композиция, состоящая из двух частей — «Грушенька» и «Настасья Филипповна» (по романам «Братья Карамазовы» и «Идиот»), задумана как рассказ о горьких судьбах двух мятущихся, цельных, незаурядных женских натур. Автор инсценировки Е. Гардт выделила их крупным планом.

В композиции есть и эпический размах, и психологическая точность, и тонкость «настоящего», не упрощенного, не сглаженного Достоевского. Достигается это звучанием всех образов. Хотя Фердыщенко, Лебедев или Тоцкий занимают меньше места, прочитаны они также живо и ярко.

Ощущение напряженного трагизма пронизывает и связывает в стройное целое эти образы, оно — стержень композиции. Вот текст Митиного приговора деревянно читает исправник. Вторую половину тяжелых, официальных слов мы слышим уже в Митином восприятии. Этим контрастом антриса одновременно усиливает драматичность момента и раскрывает характер, делает его нагляднее, полнее.

Из лучшее в композиции — Грушенька. Когда М. Лобода еще только напоминает биографию Аграфены Александровны Светловой — Грушеньки, невольно поддаешься любви и обаянию, с которыми говорит актриса о своей героине. «Испугал было меня всю»... конечно, Грушенька Достоевского могла сказать эту фразу только так!

«Вспомогательных средств» у М. Лободы немного: кресло, на которое небрежно брошен яркий платок, горшок с цветком на столе, газовый шарф-«мантилья», в который кутается Настасья Филипповна, и все. Остальное — слово! Словом М. Лобода владеет, как талантливый художник кистью. То густыми, крупными, сочными мазками, то тонкими пастельными красками рисует она героев Достоевского, и краски эти ярки, интересные...

И. МУХРАНЕЛИ.

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

г. Москва

26 АПР 1966